

1001 ночь.

Рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате

Рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате, ночи 249-260

Рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате, ночи 262-270

Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был в древние времена и минувшие века и годы один человек, купец в Каире, которого звали Шамс-ад-дин. И был он из лучших купцов и самых правдивых в речах, и имел слуг и челядь, и рабов и невольников, и большие деньги, и состоял старшиной купцов в Каире.

И была у него жена, и он любил ее, и она его любила; но только он прожил с ней сорок лет, и не досталось ему от нее ни дочери, ни сына. И вот в один из дней он сидел в своей лавке, и увидел он, что у каждого из купцов был сын, или двое сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы. А в тот день была пятница, и этот купец пошел в баню и вымылся, как моются в пятницу, а выйдя, он взял зеркало цирюльника и посмотрел в него на свое лицо и воскликнул: "Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха!" – а потом взглянул на свою городу и увидел, что белое в ней покрыло черное; и вспомнил он, что седина – посланец смерти.

А его жена знала время его возвращения и мылась и приводила себя для него в порядок; и когда купец вошел к ней, она сказала ему: "Добрый вечер!" Но он отвечал ей: "Я не видел добра!"

А жена купца сказала невольнице: "Поддай столик с ужином!" И невольница принесла еду, и жена купца сказала: "Поужинай, господин мой"; а купец отвечал: "Я не стану ничего есть!" – и пихнул столик ногой и отвернул лицо от жены.

"Почему это и что тебя опечалило?" – спросила его жена; и купец сказал: "Ты причина моей печали..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот пятидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот пятидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамс-ад-дин сказал своей жене: "Ты причина моей печали!" – "Почему?" – спросила его жена. "Потому, – отвечал купец, – что, когда я сегодня открыл лавку, я увидел у каждого из купцов сына, или двух сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы, и я сказал себе: "Поистине, тот, кто взял твоего отца, тебя не оставит!" А в ту ночь, когда я вошел к тебе, ты взяла с меня клятву, что я не женюсь ни на ком, кроме тебя, и не возьму себе в наложницы ни абиссинскую, ни румскую, ни какую-нибудь другую невольницу и не проведу ночи вдали от тебя, – но дело в том, что ты бесплодная и жить с тобой – все равно что с камнем". – "Имя Аллаха да будет надо мною! – воскликнула жена купца. – Поистине, задержка от тебя, а не от меня, потому что твое семя прозрачное". – "А что с тем, у кого семя прозрачное?" – спросил купец; и его жена отвечала: "Он не делает женщин беременными и не приносит детей". – "А где то, чем замутить семя? Я куплю это, – может быть, оно замутит мне семя?" – спросил купец; и жена его сказала: "Поищи у москательщиков".

И купец проспал ночь, и утром он раскаялся, что упрекал свою жену, а она раскаялась, что упрекала его. И он отправился на рынок и нашел одного москательщика и сказал ему: "Мир с вами!" И москательщик ответил на его привет, и купец спросил его: "Найдется у тебя чем замутить мне семя?" – "У меня это было, да вышло, но спроси у соседа", – ответил москательщик; и купец ходил и спрашивал, пока не опросил всех (а они над ним смеялись), и потом он вернулся к себе в лавку и сидел огорченный.

А на рынке был один человек, гашишеед, начальник маклеров, который принимал опиум и барш [264] и употреблял зеленый гашиш, и звали этого начальника шейх Мухаммед Симсим, и жил он в бедности. И всякий день он обычно приходил утром к этому купцу. И вот он пришел, как обычно, и сказал ему: "Мир с вами!" И купец ответил на его приветствие сердито. "О господин, почему ты сердит?" – спросил Мухаммед; и купец рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и сказал: "Я сорок лет женат, и моя жена не забеременела от меня ни сыном, ни дочерью, и мне сказали: "Она не беременеет потому, что у тебя семя прозрачное". И я стал искать чего-нибудь, чтобы замутить себе семя, и не нашел".

"О господин, – сказал Мухаммед, – у меня есть чем замутить семя. Что ты скажешь о том, кто сделает твою жену беременной от тебя после этих сорока лет, что минули?" – "Если ты это сделаешь, я окажу тебе милость и облагодетельствую тебя!" – отвечал купец. И Мухаммед сказал: "Дай мне динар!" – "Возьми эти два динара!" – воскликнул купец; и Мухаммед взял их и сказал ему: "Поддай мне эту фарфоровую миску". И купец дал ему миску, и Мухаммед отправился к торговцу травами и взял у него унции две румского мукаркара и немного китайской кубебы, и корицы, и гвоздики, и кардамона, и имбиря, и белого перцу, и горную ящерицу и истолок все это и вскипятил в хорошем растительном масле. И еще он взял три унции крупинок ладана и с чашку чернушки и размочил, и сделал из всего этого тесто с румским пчелиным медом и, положив его в миску, вернулся к купцу и отдал ему миску.

"Вот чем можно замутить семя, – сказал он ему. – Тебе следует, после того как ты поешь мяса барашка и домашнего голубя, положив туда много горячительных приправ и пряностей, съесть этого теста на конце лопаточки, а потом поужинать и запить чистым разведенным сахаром".

И купец велел принести все это и отослал своей жене вместе с барашком и голубем, и сказал: "Приготовь это хорошенько и возьми замутитель семени и храни его у себя, пока он мне не понадобится и я его у тебя не потребую".

И жена купца сделала так, как он приказал ей, и поставила ему еду, и купец поел, а потом он потребовал ту миску и поел из нее, и ему понравилось, и он съел остаток, а затем он познал свою жену, и она зачала от него в ту ночь.

И над ней прошел первый месяц, и второй, и третий, и крови прекратились и перестали идти, и жена купца узнала, что она понесла, и дни ее прошли до конца, и ее схватили потуги, и поднялись крики, и повитухе пришлось потрудиться при родах.

И повитуха охраняла новорожденного именами Мухаммеда и Али и сказала: "Аллах велик!" – и пропела ему в уши азан [265], а потом она завернула младенца и передала его матери. И та дала ему грудь и стала его кормить, и младенец попил и насытился и заснул. И повитуха оставалась у них три дня, пока не сделали мамунию [266] и халву, и ее раздали на седьмой день. А потом рассыпали соль, и купец пришел и поздравил свою жену с благополучием и спросил ее: "Где залог Аллаху?" И она подала ему новорожденного редкой красоты – творение промыслителя вечносущего; и было ему семь дней, но тот, кто видел его, говорил, что ему год.

И купец посмотрел младенцу в лицо и увидел сияющий месяц (а у него были родинки на обеих щеках) и спросил свою жену: "Как ты его назвала?" А она ответила: "Будь это девочка, ее назвала бы я, то это сын, и никто не назовет его, кроме тебя". А люди в те времена давали своим детям имя по предзнаменованию.

И вот, когда они советовались об имени, кто-то сказал своему товарищу: "О господин мой, Ала-ад-дин", и купец сказал жене: "Назовем его Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат" [267]. И он назначил младенцу кормилиц и няnek, и младенец пил молоко два года, а потом его отняли от груди, и он стал расти и крепнуть и начал ходить по земле. А когда мальчик достиг семилетнего возраста, его отвели в подвал, боясь для него дурного глаза; и купец сказал: "Он не выйдет из подвала, пока у него не вырастет борода", и он назначил ему невольницу и раба, и невольница готовила ему стол, а раб носил ему пищу.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А потом купец справил обрезание мальчика и сделал великий пир, и после этого он позвал учителя, чтобы учить его, и тот учил мальчика письму и чтению Корана и наукам, пока он не стал искусным и сведущим.

И случилось, что раб принес Ала-ад-дину в какой-то день скатерть с кушаньем и оставил подвал открытым, и тогда Ала-ад-дин вышел из подвала и вошел к своей матери (а у нее было собрание знатных женщин). И когда женщины разговаривали с его матерью, вдруг вошел к ним Этот ребенок, подобный пьяному мамлюку из-за своей чрезмерной красоты. И, увидав его, женщины закрыли себе лица и сказали его матери: "Аллах да воздаст тебе, о такая-то! Как же ты приводишь к нам этого постороннего мамлюка? Разве ты не знаешь, что стыд – проявление веры?" – "Побойтесь Аллаха! – воскликнула мать мальчика. – Поистине, это мой ребенок и плод моей души. Это сын старшины купцов, Шамс-ад-дина, дитя кормилицы, украшенное ожерельем, вскормленное корочками и мякишем". – "Мы в жизни не видали у тебя ребенка", – сказали женщины. И мать Ала-ад-дина молвила: "Его отец побоялся для него дурного глаза и велел воспитывать его в подвале, под землей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят первая ночь

Когда же настала двести пятьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Ала-ад-дина сказала женщинам: "Его отец побоялся для него дурного глаза пятьдесят первая и велел воспитывать его в подвале ночь под землей. Может быть, евнух оставил подвал открытым, и он вышел оттуда, – мы не хотели, чтобы он выходил из подвала, пока у него не вырастет борода".

И женщины поздравили мать Ала-ад-дина, а мальчик ушел от женщин во двор при доме, а потом поднялся в беседку и сел там.

И когда он сидел, вдруг пришли рабы с мулом его отца, и Ала-ад-дин спросил их: "Где был этот мул?" И рабы сказали: "Мы доставили на нем товары в лавку твоего отца (а он ехал верхом) и привели его". – "Каково ремесло моего отца?" – спросил Ала-ад-дин. "Твой отец – старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов", – сказали ему.

И Ала-ад-дин вошел к своей матери и спросил ее: "О матушка, каково ремесло моего отца?" – "О дитя мое, – отвечала ему мать, – твой отец купец, и он старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов, и его невольники советуются с ним, когда продают, только о тех товарах, которые стоят самое меньшее тысячу динаров, а товары, которые стоят девятьсот динаров или меньше, – о них они с ним не советуются и продают их сами. И не приходит из чужих земель товаров, мало или много, которые не попадали бы в руки твоему отцу, и он распоряжается ими, как хочет; и не увязывают товаров, уходящих в чужие земли, которые не прошли бы через руки твоего отца. И Аллах великий дал твоему отцу, о дитя мое, большие деньги, которых не счесть". – "О матушка, – сказал Ала-ад-дин, – хвала Аллаху, что я сын султана оседлых арабов и что мой отец – старшина купцов! Но почему, о матушка, вы сажаете меня в подвал и оставляете там запертым?" – "О дитя мое, мы посадили тебя в подвал только из боязни людских глаз; ведь сглаз – это истина, и большинство жителей могил умерли от дурного глаза", – ответила ему мать.

И Ала-ад-дин сказал: "О матушка, а куда бежать от судьбы? Осторожность не помешает predetermined, и от того, что написано, нет убежища. Тот, кто взял моего деда, не оставит и меня и моего отца: если он живет сегодня, то не будет жить завтра; и когда мой отец умрет и я приду и скажу: "Я – Ала-ад-дин, сын купца Шамс-аддина", – мне не поверит никто среди людей, и старики скажут: "Мы в жизни не видели у Шамс-ад-дина ни сына, ни дочери". И придут из казны и возьмут деньги отца. Да помилует Аллах того, кто сказал: "Умрет муж, и уйдут его деньги, и презреннейший из людей возьмет его женщин". А ты, о матушка, поговори с отцом, чтобы он взял меня с собой на рынок и открыл мне лавку: я буду сидеть там с товаром, и он научит меня продавать и покупать, брать и отдавать". И мать Ала-ад-дина сказала: "О дитя мое, когда твой отец приедет, я расскажу ему об этом".

И когда купец вернулся домой, он увидел, что его сын, Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, сидит подле своей матери, и спросил ее: "Почему ты вывела его из подвала?" И она сказала ему: "О сын моего дяди, я его не выводила, но слуги забыли запереть подвал и оставили его открытым. И я сидела (а у меня собрались знатные женщины) и вдруг он вошел к нам". И она рассказала мужу, что говорил его сын. И Шамс-ад-дин сказал ему: "О дитя мое, завтра, если захочет Аллах великий, я возьму тебя на рынок; но только, дитя мое, чтобы сидеть на рынках и в лавках, нужна пристойность и совершенство при всех обстоятельствах".

И Ала-ад-дин провел ночь, радуясь словам своего отца; а когда настало утро, Шамс-ад-дин сводил своего сына в баню и одел его в платье, стоящее больших денег, и после того как они позавтракали и выпили питье, он сел на своего мула и посадил сына на мула позади себя и отправился на рынок.

И люди на рынке увидели, что едет старшина купцов, а позади него ребенок мужского пола, подобный луне в четырнадцатую ночь, и кто-то сказал своему товарищу: "Посмотри на этого мальчика, который позади старшины купцов. Мы думали о нем благое, а он точно порей – сам седой, а сердце у него зеленое".

И шейх Мухаммед Симсим, начальник, прежде упомянутый, сказал купцам: "О купцы, мы больше не согласны, чтобы он был над нами старшим. Никогда!"

А обычно, когда старшина купцов приезжал из дому и садился в лавке, приходил начальник рынка и читал купцам фатику [268], и они поднимались и шли к старшине купцов и читали фатику и желали ему доброго утра, и затем каждый из них уходил к себе в лавку. Но в этот день, когда старшина купцов сел, как всегда, в своей лавке, купцы не пришли к нему согласно обычаю.

И он крикнул начальника и спросил его: "Отчего купцы не собираются, как обычно?" И начальник ответил: "Я не люблю доносить о смутах, но купцы сговорились отстранить тебя от должности старшины и не читать тебе фатику". – "А какая тому причина?" – спросил Шамсад-дин. И начальник сказал: "Что это за мальчик сидит рядом с тобою, когда ты старик и глава купцов? Что этот ребенок – твой невольник или он в родстве с твоей женой? Я думаю, что ты его любишь и имеешь склонность к мальчику".

И Шамс-ад-дин закричал на него и сказал: "Молчи, да обезобразит Аллах тебя самого и твои свойства! Это мой сын". – "Мы в жизни не видели у тебя сына", – воскликнул Мухаммед Симсим. И купец сказал: "Когда ты принес мне замутитель семени, моя жена понесла и родила этого мальчика, но из боязни дурного глаза я воспитывал его в подвале, под землей, и мне хотелось, чтобы он не выходил из подвала, пока не сможет схватить рукою свою бороду. Но его мать не согласилась, и он потребовал, чтобы я открыл ему лавку и положил там товары и научил его покупать и продавать".

И начальник пошел к купцам и осведомил их об истине в этом деле, и они все поднялись и вместе с начальником отправились к старшине купцов и, став перед ним, прочитали фатику и поздравили его с этим мальчиком.

"Господь наш да сохранит корень и ветку, – сказали они, – но когда бедняку среди нас достается сын или дочка, он обязательно готовит для своих друзей блюдо каши и приглашает знакомых и родственников, а ты этого не сделал". – "Это вам с меня причитается, и встреча наша будет в саду", – отвечал купец..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят вторая ночь

Когда же настала двести пятьдесят вторая ночь, ее сестра Дуньязада сказала ей: "О сестрица, dokonчи нам твой рассказ, если ты бодрствуешь, а не спишь". И Шахразада ответила: "С любовью и охотой! Дошло до меня, о счастливый царь, что старшина купцов обещал купцам трапезу и сказал им: "Наша встреча будет в саду".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда наступило утро, он послал слугу в беседку и в дом, которые были в саду, и велел постлать там ковры и отправил припасы длястряпни: баранов, масла и прочее, что было нужно по обстоятельствам, и сделал два стола: стол в доме и стол в беседке.

И приготовился купец Шамс-ад-дин, и приготовился его сын Ала-ад-дин, и отец сказал ему: "О дитя мое, когда войдет человек седой, я его встречу и посажу его за стол, который в доме, а ты, дитя мое, когда увидишь, что входит безбородый мальчик, возьми его и приведи в беседку и посади за стол". – "Почему, о батюшка? – спросил Ала-аддин. – Отчего ты готовишь два стола: один для мужчин, а другой для мальчиков?" – "О дитя мое, безбородый стыдится есть около мужей", – ответил Шамс-ад-дин. И его сын одобрил это.

И когда купцы стали приходить, Шамс-ад-дин встречал мужчин и усаживал их в доме, а его сын Ала-ад-дин встречал мальчиков и усаживал их в беседке. А потом поставили кушанья и стали есть и пить, наслаждаться и радоваться, и пили напитки и зажигали куренья, и старики сидели и беседовали о науках и преданиях.

И был между ними один купец, по имени Махмуд альБальхи, – мусульманин по внешности, маг втайне, который стремился к скверному и любил мальчиков. Он посмотрел в лицо Ала-ад-дину взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и сатана украсил в его глазах лицо мальчугана жемчужиной, и купца охватила страсть, волнение и увлечение, и любовь привязалась к его сердцу. (А этот купец, которого звали Махмуд аль-Бальхи, забирал ткани и товар у отца Ала-ад-дина.)

И Махмуд аль-Бальхи встал пройтись и свернул к мальчикам, и те поднялись к нему навстречу. А Ала-ад-дину не терпелось отлить воду, и он поднялся, чтобы исполнить нужду, и тогда купец Махмуд обернулся к мальчикам и сказал им: "Если вы уговорите Ала-ад-дина поехать со мной путешествовать, я дам каждому из вас платье, стоящее больших денег", – и потом он ушел от них в помещение мужчин. И пока мальчики сидели, вдруг вошел к ним Ала-ад-дин. И они поднялись ему навстречу и посадили между собою, на возвышение, и один из мальчиков сказал своему товарищу: "О Сиди Хасан, расскажи мне, откуда пришли к тебе твои деньги, на которые ты торгуешь?"

И Хасан отвечал: "Когда я вырос и стал взрослым и достиг возраста мужей, я сказал своему отцу: "О батюшка, приготовь мне товаров"; и он мне ответил: "О дитя мое, у меня ничего нет, но пойди возьми денег у кого-нибудь из купцов и торгуй на них, и учись продавать и покупать, брать и давать".

И я отправился к одному из купцов и занял у него тысячу динаров и купил на них тканей и отправился с ними в Дамаск. И я нажил в два раза больше и забрал в Дамаске товаров и поехал с ними в Халеб, и продал их и получил свои деньги вдвойне, а потом я забрал товаров в Халебе и поехал в Багдад, и продал их и нажил вдвое больше, и до тех пор торговал, пока у меня не стало около десяти тысяч динаров денег".

И каждый из мальчиков говорил своему товарищу то же самое, пока не настала очередь и не пришлось говорить Ала-ад-дину Абу-ш-Шамату. И ему сказали: "А ты, о Сиди Ала-ад-дин?" И он ответил: "Меня воспитывали в подвале, под землей, и я вышел оттуда в рту пятницу, и я хожу в лавку и возвращаюсь домой". – "Ты привык сидеть дома и не знаешь сладости путешествия, и путешествовать надлежит лишь мужам", – сказали ему. И он ответил: "Мне не нужно путешествовать, и нет для меня цены в удовольствиях". И кто-то сказал своему товарищу: "Он точно рыба: когда расстанется с водой, то умирает".

"О Ала-ад-дин, – сказали ему, – гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы". И Ала-ад-дина охватил из-за этого гнев, и он ушел от мальчиков с плачущими глазами и опечаленной душой и, сев на своего мула, отправился домой.

И его мать увидела, что он в великом гневе, с плачущими глазами, и спросила: "Что ты плачешь, о дитя мое?" И Ала-ад-дин отвечал: "Все дети купцов поносили меня и говорили мне: "Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы денег..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят третья ночь Когда же настала двести пятьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-аддин сказал своей матери: "Все дети купцов поносили меня и говорили мне: "Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы". – "О дитя мое, – спросила его мать, разве ты хочешь путешествовать?" И Ала-ад-дин отвечал: "Да!" И тогда она сказала: "А в какой город ты отправишься?" – "В город Багдад, – отвечал Ала-ад-дин. – Человек наживает там на том, что у него есть, вдвое больше".

И мать Ала-ад-дина сказала: "О дитя мое, у твоего отца денег много, а если он не соберет тебе товаров из своих денег, тогда я соберу тебе товары от себя". – "Лучшее благо – благо немедленное, и если будет ваша милость, то теперь для нее время", – сказал Ала-ад-дин. И его мать призвала рабов и послала их к тем, кто увязывает ткани, и их увязали для Ала-ад-дина в десять тюков.

Вот что было с его матерью. Что же касается до его отца, то он огляделся и не нашел своего сына Ала-ад-дина в саду и спросил про него, и ему сказали, что Ала-ад-дин сел на мула и уехал домой.

И тогда купец сел и отправился за ним, а войдя в свое жилище, он увидел связанные тюки и спросил о них; и жена рассказала ему, что произошло у детей купцов с ее сыном Ала-ад-дином. "О дитя мое, – сказал купец, да обманет Аллах пребывающего на чужбине! Сказал ведь посланник Аллаха, – да благословит его Аллах и да приветствует: "Счастье мужа в том, чтобы ему достался надел в его земле"; а древние говорили: "Оставь путешествие, будь оно даже на милю". Ты твердо решил путешествовать и не отступишься от этого?" – спросил он потом своего сына. И его сын ответил ему: "Я обязательно поеду в Багдад с товарами, а иначе я сниму с себя одежду и надену одежду дервишей и уйду странствовать по землям". – "Я не нуждаюсь и не терплю лишений, – наоборот, у меня много денег, – сказал его отец и показал ему все бывшее у него имущество, товары и ткани. – У меня есть для всякого города подходящие ткани и товары, – сказал он потоп, и, между прочим, он показал ему сорок связанных тюков, и на каждом тюке было написано: "Цена этому тысяча динаров". – О дитя мое, – сказал он, возьми эти сорок тюков и те десять, которые у твоей матери" и отправляйся, хранимй Аллахом великим; но только, дитя мое, я боюсь для тебя одной чащи на твоём пути, которая называется Чаша Львов, и одной долины также, называемой Долина Собак, – души погибают там без снисхождения". "А почему, о батюшка?" – спросил Ала-ад-дин; и его отец ответил: "Из-за бедуина, преграждающего дороги, которого зовут Аджлан". – "Мой удел – от Аллаха, и если есть у него для меня доля, меня не постигнет беда", – отвечал Ала-ад-дин.

А затем Ала-ад-дин с отцом сели и поехали да рынок вьючных животных; и вдруг один верблюжатник сошел со своего мула и поцеловал руку старшине купцов, говоря: "Клянусь Аллахом, давно, о господин мой, ты не нанимал нас для торговых дел". – "Для всякого времени своя власть и свои люди, отвечал Шамс-ад-дин, – и Аллах да помилует того, кто сказал:

Вот старец на земле повсюду бродит,

И вплоть до колен его борода доходит.

Спросил я его: "Зачем ты так согнулся?"

И молвил он, ко мне направив руки:

"Я юность потерял свою во прахе

И вот согнулся, и ищу я юность".

А окончив эти стихи, он сказал: "О начальник, никто не хочет этого путешествия, кроме моего сына"; и верблюжатник ответил: "Аллах да сохранит его для тебя!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А затем старшина купцов заключил союз между верблюжатником я своим сыном и сделал верблюжатника как бы отцом мальчика, и поручил ему заботиться о нем, и сказал: "Возьми эти сто динаров для твоих слуг".

И старшина купцов купил шестьдесят мулов, и светильник, и покрывало для Абд-аль-Кадира Гилянского [269] и сказал Ала-ад-дину: "О сын мой, в мое отсутствие этот человек будет тебе отцом вместо меня, и во всем, что он тебе скажет, повинуйся ему".

И в этот вечер устроил чтение Корана и праздник в честь шейха Абд-аль-Кадира Гилянского, а когда настало утро, старшина купцов дал своему сыну десять тысяч динаров и сказал ему: "Когда ты вступишь в Багдад и увидишь, что дела с тканями идут ходко, продавай их; если же увидишь, что дела с ними стоят на месте, расходуй эти деньги".

И потом нагрузили мулов, и распрощались друг с другом, и отправились в путь, и выехали из города.

А Махмуд аль-Бальхи тоже собрался ехать в сторону Багдада и вывез свои тюки и поставил шатры за городом и сказал себе: "Ты насладишься этим мальчиком только в уединении, так как там ни доносчик, ни соглядатай не смутят тебя".

А отцу мальчика причиталась с Махмуда аль-Бальхи тысяча динаров – остаток одной сделки, и Шамс-ад-дин отправился к нему и простился с ним и сказал: "Отдай Эту тысячу динаров моему сыну Ала-ад-дину". И он поручил Махмуду о нем заботиться и молвил: "Он будет тебе как сын".

И Ала-ад-дин встретился с Махмудом аль-Бальхи..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят четвертая ночь

Когда же настала двести пятьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин встретился с Махмудом аль-Бальхи и Махмуд аль-Бальхи поднялся и велел повару Ала-ад-дина ничего не стряпать и стал предлагать Ала-ад-дину и его людям кушанья и напитки, а потом они отправились в путь.

А у купца Махмуда аль-Бальхи было четыре дома: один в Каире, один в Дамаске, один в Халебе и один в Багдаде; и путники ехали по степям и пустыням, пока не приблизились к Дамаску.

И когда Махмуд-аль-Бальхи послал к Ала-ад-дину своего раба и тот увидел, что юноша сидит и читает, подошел и поцеловал ему руки. "Чего ты просишь?" – спросил Ала-ад-дин; и раб ответил: "Мой господин тебя приветствует и требует тебя на пир к себе в дом". – "Я посоветуюсь с моим отцом, начальником –

Кемаль-аддином,

верблюжатником",

–

сказал Ала-ад-дин; и когда он посоветовался с ним, идти ли ему, верблюжатник сказал: "Не ходи!"

А потом они уехали из Дамаска и вступили в Халеб, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и послал просить Алаад-дина, но юноша посоветовался с начальником, и тот опять запретил ему.

И они выступили из Халеба и ехали, пока до Багдада не остался всего один переход, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и прислал просить Ала-ад-дина.

И юноша посоветовался с начальником, и тот снова запретил ему, но Ала-ад-дин воскликнул: "Я обязательно пойду!"

И он поднялся и, подвязав под платьем меч, пошел и пришел к Махмуду аль-Бальхи, и тот поднялся ему навстречу и приветствовал его.

И он велел подать великолепную скатерть, уставленную кушаньями, и они поели и попили и вымыли руки. И Махмуд аль-Бальхи склонился к Ала-ад-дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала-ад-дин поймал поцелуй в руку и спросил: "Что ты хочешь делать?" – "Я тебя позвал, – ответил Махмуд, – и хочу сделать себе с тобой удовольствие в этом месте, и мы будем толковать слова сказавшего:

Возможно ль, чтоб к нам пришел ты на миг столь краткий,

Что сжарить яйцо иль выдоить коз лишь хватит,

И с нами бы съел ты сколько найдется хлебца,

И взял бы себе ты денежек, сколько сможешь?

Тебе унести, что хочешь, с собой нетрудно,

Ладонь, или горсть, иль полную даже руку".

И затем Махмуд аль-Бальхи хотел насильничать над Ала-ад-дином, и Ала-ад-дин поднялся и обнажил меч и воскликнул: "Горе твоим сединам! Ты не боишься Аллаха, хоть и жестоко его наказание! Да помилует Аллах того, кто сказал:

Храни седины твои от скверны, грязнящей их:

Поистине, белое легко принимает грязь".

А произнеся этот стих, Ала-ад-дин сказал Махмуду аль-Бальхи: "Поистине, этот товар поручен Аллаху, и он не продается, и если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы продал его тебе за серебро. Но, клянусь Аллахом, о скверный, я никогда больше не буду тебе товарищем!" Петом Ала-ад-дин вернулся к начальнику Кемаль-ад-дину и сказал ему: "Поистине, этот человек развратник, и я никогда больше не буду ему товарищем и не пойду с ним по одной дороге". – "О дитя мое, – отвечал Кемаль-ад-дин, – не говорил ли я тебе: не ходи к нему. Однако, дитя мое, если мы с ним расстанемся, нам грозит гибель; позволь же нам остаться в одном караване" – "Мне никак невозможно быть ему спутником в дороге", сказал Ала-ад-дин, а затем он погрузил свои тюки и отправился дальше вместе с теми, кто был с ним.

И они ехали до тех пор, пока не спустились в долину; и Ала-ад-дин хотел там остановиться, но верблюжатник сказал: "Не останавливайтесь здесь! Продолжайте ехать и ускорьте ход: может быть, мы достигнем Багдада раньше, чем там запрут ворота. Ворота в Багдаде отпирают и запирают всегда по солнцу, – из боязни, что городом овладеют рафидиты [270] и побросают богословские книги в Тигр". – "О батюшка, – ответил Ала-ад-дин, я выехал и отправился с товаром в этот город не для торговли, а чтобы посмотреть чужие страны". – "О дитя мое, мы боимся для тебя и для твоих денег беды от кочевников", – сказал верблюжатник; и Ала-ад-дин воскликнул: "О человек, ты слуга или тебе служат? Я не войду в Багдад иначе как утром, чтобы багдадские юноши увидели мои товары и узнали меня". –

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Делай, как хочешь, я тебя предупредил, и ты сам знаешь, в чем твое избавление", – сказал начальник. И Ала–ад–дин велел складывать тюки с мулов, и тюки сложили, и поставили шатер, и все оставались на месте до полуночи.

И Ала–ад–дин вышел исполнить нужду и увидел, как что–то блестит вдали, и спросил верблюжатника: "О, начальник, что это такое блестит?"

И начальник сел прямо и взглянул, и, всмотревшись как следует, увидел, что блестят зубцы копий и железо оружия и бедуинские мечи; и вдруг оказалось, что это арабы [271] и начальника арабов зовут шейх Аджлан АбуНаиб. И когда арабы приблизились к ним и увидели их тюки, они сказали друг другу: "Вот ночь добычи!"

И, услышав, что они говорят это, начальник Кемальад–дин, верблюжатник, воскликнул: "Прочь, о ничтожнейший из арабов!" Но Абу–Наиб ударил его копьем в грудь, и оно вышло, блистая, из его спины.

И Кемаль–ад–дин упал у входа в палатку убитый; и тогда водонос воскликнул: "Прочь, о презреннейший из арабов!", но его ударили по руке мечом, который прошел, блистая, через его сухожилия, и водонос упал мертвый. И пока все это происходило, Ала–ад–дин стоял и смотрел.

А потом арабы повернулись и бросились на караван и перебили людей, не пощадив никого из отряда Ала–аддина, и взвалили тюки на спину мулов и уехали.

И Ала–ад–дин сказал себе: "Тебя убьет только твой мул и вот эта одежда", – и стал снимать с себя одежду и бросил ее на спину мула, пока на нем не остались рубаха и подштанники, и только.

И он повернулся ко входу в палатку и увидел перед собой пруд из крови, в котором струилась кровь убитых, и начал валяться в ней в рубахе и подштанниках, так что стал точно убитый, утопающий в крови.

Вот что было с Ала–ад–дином. Что же касается шейха арабов Аджлана, то он спросил у своих людей:

"О арабы, этот караван идет из Каира или выходит из Багдада?.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят пятая ночь

Когда же настала двести пятьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин спросил у своих людей: "О арабы, этот караван идет из Каира или выходит из Багдада!" И ему ответили: "Он идет из Каира в Багдад". – "Вернитесь к убитым, я думаю, что владелец каравана не умер", – сказал он; и арабы вернулись к убитым и снова стали бить мертвых мечами и копьями и дошли до Алаад–дина, который бросился на землю среди убитых.

И дойдя до него, они сказали: "Ты притворился мертвым, но мы убьем тебя до конца", – и бедуин вынул копье и хотел вонзить его в грудь Ала–ад–дину. И тогда Ала–ад–дин воскликнул про себя: "Благослови, о Абд–аль–Кадир, о гилянец!" – и увидел руку, которая отвела копье от его груди к груди начальника Кемаль–ад–дина, верблюжатника, и бедуин ударил его копьем и не прикоснулся к Алаад–дину.

И потом они взвалили тюки на спину мулов и ушли, и Ала–ад–дин посмотрел и увидел, что птицы улетели со своей добычей. И он сел прямо и поднялся и побежал; и вдруг бедуин Абу–Наиб сказал своим товарищам: "О арабы, я вижу что–то вдали"; и один из бедуинов поднялся и увидел Ала–ад–дина, который убежал. "Тебе не поможет бегство, раз мы сзади тебя!" – воскликнул Аджлан и, ударив своего коня пяткой, поспешил за Ала–ад–дином.

А Ала–ад–дин увидал перед собой пруд с водой и рядом с ним водохранилище, и влез на решетку водохранилища, и растянулся, и притворился спящим, говоря про себя: "О благой покровитель, опусти твой покров, который не совлекается".

И бедуин остановился перед водохранилищем и, поднявшись на стременах, протянул руку, чтобы схватить Ала–ад–дина. И Ала–ад–дин воскликнул: "Благослови, о госпожа моя Иафиса [272], вот время оказать помощь!" И вдруг бедуина ужалил в руку скорпион, и он закричал и воскликнул: "Ах, подойдите ко мне, о арабы, я ужален".

И бедуин сошел со спины коня, и его товарищи пришли к нему и опять посадили его на коня и спросили: "Что с тобой случилось?" И он отвечал: "Меня ужалил детеныш скорпиона"; и арабы увели караван и ушли.

Вот что было с ними. Что же касается Ала–ад–дина, то он продолжал лежать на решетке водохранилища, а что до купца Махмуда аль–Бальхи – то он велел грузить тюки и поехал, и ехал до тех пор, пока не достиг Чащи Львов. И он нашел всех слуг Ала–ад–дина убитыми и обрадовался этому и, спешившись, дошел до водохранилища и пруда. А мулу Махмуда аль–Бальхи хотелось пить, и он нагнулся, чтобы напиться из пруда, и увидел отражение Ала–ад–дина и шарахнулся от него. И Махмуд аль–Бальхи поднял глаза и увидел, что Ала–ад–дин лежит голый, в одной только рубашке и подштанниках. "Кто сделал с тобою такое дело и оставил тебя в наихудшем положении?" – спросил Махмуд. И Ала–ад–дин отвечал: "Кочевники". – "О дитя мое, – сказал Махмуд, – ты откупился мулами и имуществом. Утешься словами того, кто сказал:

Когда голова мужей спасется от гибели, то все их имущество–обрезок ногтей для них. Но спустись, о дитя мое, не бойся беды".

И Ала–ад–дин спустился с решетки водохранилища, и Махмуд посадил его на мула, и они ехали, пока не прибыли в город Багдад, в дом Махмуда аль–Бальхи. И Махмуд "велел свести Ала–ад–дина в баню и сказал ему: "Деньги и тюки – выкуп за тебя, о дитя мое; и если ты будешь меня слушаться, я верну тебе твои деньги и тюки вдвойне".

А когда Ала–ад–дин вышел из бани, Махмуд отвел его в комнату, украшенную золотом, где было четыре портика, и велел принести скатерть, на которой стояли всякие кушанья. И они стали есть и пить, и Махмуд склонился к Ала–ад–дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала–ад–дин поймал поцелуй рукой и воскликнул: "Ты до сих пор следуешь насчет меня твоему заблуждению! Разве я не сказал тебе, что если бы я продавал этот товар другому За золото, я бы, наверное, продал его тебе за серебро?" – "Я даю тебе и товары, и мула, и одежду только ради такого случая, – отвечал Махмуд. – От страсти к тебе я в расстройстве, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Сказал со слов кого–то из старцев нам

Абу–Биляль, наставник, что Шарик сказал:

"Влюбленные не могут любовь свою

Лобзаньями насытить без близости",

"Это вещь невозможная, – сказал Ала–ад–дин. – Возьми твое платье и твоего мула и открой мне двери, чтобы я мог уйти".

И Махмуд открыл ему двери, и Ала–ад–дин вышел, и собаки лаяли ему вслед. И он пошел и шел в темноте, и вдруг увидал ворота мечети, и вошел в проход, ведущий в мечеть, и укрылся там, – и вдруг видит: к нему приближается свет. И он всмотрелся и увидел два фонаря в руках рабов, предшествовавших двум купцам, один из которых был старик с красивым лицом, а другой – юноша. И Ала–ад–дин услышал, как

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

юноша говорил старику: "Ради Аллаха, о дядюшка, возврати мне дочь моего дяди"; а старик отвечал ему: "Разве я тебя не удерживал много раз, а ты сделал развод своей священной книгой" [273].

И старик взглянул направо и увидал юношу, подобного обрезку луны, и сказал ему: "Мир с тобою!" И Ала-ад-дин ответил на его приветствие, а старик спросил: "О мальчик, кто ты?" – "Я Ала-ад-дин, сын Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире, – отвечал юноша. – Я попросил у отца товаров, и он собрал мне пятьдесят тюков товаров и материй..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят шестая ночь

Когда же настала двести пятьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Алаад-дин сказал: "Мой отец собрал мне пятьдесят тюков товаров и тканей и дал мне десять тысяч динаров, и я отправился и ехал, пока не достиг Чащи Львов. И на меня напали кочевники и забрали мои деньги и тюки; и я вошел в этот город, не зная, где переночевать, и увидал это место и укрылся здесь". – "О дитя мое, – молвил старик, – что ты скажешь, если я дам тебе тысячу динаров, и платье в тысячу динаров, и мула в тысячу динаров". – "За что ты дашь мне это, о дядюшка?" – спросил Ала-ад-дин. И старик сказал: "Этот мальчик, который со мною, сын моего брата, и у его отца никого нет, кроме него, а у меня есть дочь, кроме которой у меня никого не было, и зовут ее Зубейда-лютнистка, и она красива и прелестна. Я выдал ее замуж за этого юношу, и он ее любит, но она ненавидит его, и однажды он не сдержал клятву, трижды поклявшись тройным разводом; и едва только его жена уверилась в этом, она покинула его. И он согнал ко мне всех людей, чтобы я вернул ему жену, и я сказал ему: "Это удастся только через заместителя" [274]. И мы сговорились, что сделаем заместителем какого-нибудь чужеземца, чтобы никто не корил моего зятя этим делом, и раз ты чужеземец – ступай с нами. Мы напишем тебе договор с моей дочерью, и ты проведешь с ней сегодняшнюю ночь, а наутро разведешься с ней, и я дам тебе то, о чем говорил".

И Ала-ад-дин сказал про себя: "Клянусь Аллахом, провести ночь с невестой, в доме и на постели, мне лучше, чем ночевать в переулках и проходах!" – и отправился с ними к кади. И когда кади взглянул на Ала-ад-дина, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил отца девушки: "Что вы хотите?" – "Мы хотим сделать его заместителем этого юноши для моей дочери, – отвечал отец девушки, – и напишем на него обязательство дать в приданое десять тысяч динаров. И если он переночует с нею, а наутро разведется, мы дадим ему одежду в тысячу динаров, а если не разведется, пусть выкладывает десять тысяч динаров".

И они написали договор с таким условием, и отец девушки получил в этом расписку, а затем он взял Ала-аддина с собою и одел его в ту одежду, и они пошли с ним и пришли к дому девушки. И отец ее оставил Ала-ад-дина стоять у ворот дома и, войдя к своей дочери, сказал ей: "Возьми обязательство о твоём приданом – я написал тебе договор с красивым юношей по имени Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; заботься же о нём наилучшим образом". И потом купец отдал ей расписку и ушел к себе домой.

Что же касается двоюродного брата девушки, то у него была управительница, которая заходила к Эубейделютнистке, дочери его дяди, и юноша оказывал ей милости.

"О матушка, – сказал он ей, – когда Зубейда, дочь моего дяди, увидит этого красивого юношу, она после уже не примет меня. Прошу тебя, сделай хитрость и удержи от него девушку". – "Клянусь твоей юностью, я не дам ему приблизиться к ней", – отвечала управительница, а затем она пришла к Ала-ад-дину и сказала ему: "О дитя мое, я тебе кое-что посоветую ради Аллаха великого; прими же мой совет. Я боюсь для тебя беды от этой девушки; оставь ее спать одну, не прикасайся к ней и не подходи к ней близко". – "А почему?" – спросил Ала-ад-дин. И управительница сказала: "У нее на всем теле проказа, и я боюсь, что она заразит твою прекрасную юность". – "Нет мне до нее нужды", – сказал Ала-ад-дин. А управительница отправилась к девушке и сказала ей то же самое, что сказала Ала-ад-дину. И девушка молвила: "Нет мне до него нужды! Я оставляю его спать одного, а наутро он уйдет своей дорогой".

Потом она позвала невольницу и сказала ей: "Возьми столик с кушаньем и подай его ему, пусть ужинает"; и невольница снесла Ала-ад-дину столик с кушаньем и поставила его перед ним, и Ала-ад-дин ел, пока не насытился, а потом он сел и, затянув красивый напев, начал читать суру Я-Син [275]. И девушка прислушалась и нашла, что его напев похож на псалмы Давида, и сказала про себя: "Аллах огорчил эту старуху, которая сказала, что юноша болен проказой! У того, кто в таком положении, голос не такой. Эти слова – ложь на него".

И потом она взяла в руки лютню, сделанную в землях индийских, и, настроив струны, запела под нее прекрасным голосом, останавливающим птиц в глубине неба, и проговорила такие стихи:

"Люблю газеленка я, чей темен и черен глаз;

Когда он появится, ветвь ивы завидует.

Меня отвергает он, другая с ним счастлива,

То милость господняя: дает, кому хочет, он".

И Ала-ад-дин, услышав, что она проговорила такие слова, запел сам, когда закончил суру, и произнес такой стих:

"Приветствую ту, чей стан одеждою служит ей,

И розы, в садах ланит привольно цветущие",

И девушка встала (а любовь ее к юноше сделалась сильнее) и подняла занавеску; и, увидав ее, Ала-ад-дин произнес такое двестишестое:

"Являет луну и гнется она, как ива,

Газелью глядит, а дышит как будто амброй,

И мнится: горе любит мое сердце

И в час разлуки с ним соединится",

И потом она прошлась, тряся бедрами и изгибая бока – творенье того, чьи милости скрыты, и оба они посмотрели друг на друга взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов; и когда стрела ее взора утвердилась у него в сердце, он произнес такие стихи:

"Увидев на небе луну, я вспомнил

Ту ночь, когда мы близки с нею были,

Мы оба видели луну, но глазом

Она моим, а я – ее глазами".

А когда она подошла к нему и между ними осталось лишь два шага, он произнес такие стихи:

"Распустила три она локона из волос своих

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ночью темною – и четыре ночи явила нам.

И к луне на небе лицом она обратилась

И явила мне две луны она одновременно".

И девушка приблизилась к Ала–ад–дину, и он сказал: "Отдались от меня, чтобы меня не заразить!" И тогда она открыла кисть своей руки, и кисть ее разделялась надвое и белела, как белое серебро. "Отойди от меня, чтобы меня не заразить, ты болен проказой", – сказала она. И Алаад–дин спросил ее: "Кто тебе рассказал, что у меня проказа?" – "Старуха мне рассказала", – ответила девушка. И Ала–ад–дин воскликнул: "И мне тоже старуха рассказывала, что ты поражена проказой!"

И они обнажили руки, и девушка увидала, что его тело – чистое серебро, и сжала его в объятиях, и он тоже прижал ее к груди, и они обняли друг друга. А потом девушка взяла Ала–ад–дина и легла на спину и развязала рубашку, и у Ала–ад–дина зашевелилось то, что оставил ему отец, и он воскликнул: "На помощь, о шейх Закария, о отец жил!"

И он положил руки ей на бок и ввел жилу сладости в ворота разрыва и толкнул и достиг врат завесы (а он вошел через ворота победы), а потом он пошел на рынок второго дня и недели, и третьего дня, и четвертого, и пятого дня, и увидел, что ковер пришелся как раз по портику, и ларец искал себе крышку, пока не нашел ее.

А когда настало утро, Ала–ад–дин сказал своей жене: "О радость незавершенная! Ворон схватил ее и улетел". – "Что значат эти слова?" – спросила она. И Алаад–дин сказал: "Госпожа, мне осталось сидеть с тобою только этот час". – "Кто это говорит?" – спросила она; и Ала–ад–дин ответил: "Твой отец взял с меня расписку на приданое за тебя, на десять тысяч динаров, и если я не верну их в сегодняшний день, меня запрут в доме кади, а у меня сейчас коротки руки даже для одной серебряной полушки из этих десяти тысяч динаров". – "О господин мой, власть мужа у тебя в руках или у них в руках?" – спросила Зубейда. "Она в моих руках, но у меня ничего нет", – отвечал Ала–ад–дин. И Зубейда сказала: "Это дело легкое, и не бойся ничего, а теперь возьми эти сто динаров; и если бы у меня было еще, я бы, право, дала тебе то, что ты хочешь, но мой отец из любви к своему племяннику перенес все свои деньги от меня в его дом, даже мои украшения он все забрал. А когда он придет к тебе завтра посланного от властей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят седьмая ночь

Когда же настала двести пятьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина говорила Ала–ад–дину: "А когда он придет к тебе завтра посланного от властей, и кади и мой отец скажут тебе: "Разводись!", спроси их: "Какое вероучение позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром?" А потом ты поцелуешь кади руку и дашь ему подарок, и каждому свидетелю ты также поцелуешь руку и дашь десять динаров, – и все они станут говорить за тебя. И когда тебя спросят: "Почему ты не разводишься и не берешь тысячу динаров, мула и одежду, как следует по условию, которое мы с тобою заключили?", ты скажи им: "Для меня каждый ее волосок стоит тысячи динаров, и я никогда не разведусь с нею и не возьму одежды и ничего другого". А если кади скажет тебе: "Давай приданое!", ты ответь: "Я сейчас в затруднении"; и тогда кади со свидетелями пожалеют тебя и дадут тебе на время отсрочку".

И пока они разговаривали, вдруг посланный от кади постучал в дверь, и Ала–ад–дин вышел к нему, и посланный сказал: "Поговори с эфенди, [276] твой тесть тебя требует".

И Ала–ад–дин дал ему пять динаров и сказал: "О пристав, какой закон позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром?" – "По–нашему, это никак не допускается, – ответил пристав, – и если ты не знаешь закона, то я буду твоим поверенным". И они отправились в суд, и кади спросил Ала–ад–дина: "Почему ты не разводишься и не берешь того, что установлено по условию?" И Ала–ад–дин подошел к кади и поцеловал ему руку и, вложив в нее пятьдесят динаров, сказал: "О владыка наш, кади, какое учение позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром, против моей воли?" "Развод по принуждению не допускается ни одним толком из толков мусульман", – отвечал кади. А отец женщины сказал: "Если ты не разведешься, давай приданое – пятьдесят тысяч динаров". – "Дайте мне отсрочку на три дня", – сказал Ала–ад–дин; а кади воскликнул: "Срока в три дня недостаточно! Он отсрочит тебе на десять дней!"

И они согласились на этом и обязали Ала–ад–дина через десять дней либо отдать приданое, либо развестись.

И он ушел от них с таким условием и взял мяса и рису, и топленого масла, и всего, что требовалось из съестного, и отправился домой и, войдя к женщине, рассказал ей обо всем, что с ним случилось. "От вечера до дня случаются чудеса, – сказала ему женщина, – и от Аллаха дар того, кто сказал:

Будь же кротким, когда испытан ты гневом,

Терпеливым – когда постигнет несчастье,

В ваше время беременны ночи жизни

Тяжкой ношей, – они ведь рожают диво"

А потом она поднялась и приготовила еду и принесла скатерть, и они стали есть и пить, и наслаждаться, и веселиться; а после этого Ала–ад–дин попросил ее сыграть какую–нибудь музыку, и она взяла лютню и сыграла музыку, от которой развеселится каменная скала, и струны зывали в помещении: "О любимый", и женщина пела и заливалась.

И так они наслаждались, шутили и веселились и радовались, – и вдруг постучали в ворота.

И женщина сказала Ала–ад–дину: "Встань посмотри, кто у ворот"; и он пошел и открыл ворота и увидел, что перед ним стоят четыре дервиша. "Чего вы хотите?" – спросил он их; и дервиши сказали: "О господин, мы дервиши из чужих земель, и пища нашей души – музыка и нежные стихи. Мы хотим отдохнуть у тебя сегодня ночью, до утра, а потом пойдем своей дорогой, а тебе будет награда от Аллаха великого. Мы любим музыку, и среди нас нет никого, кто бы не знал наизусть касыд, стихов и строф". – "Я посоветуюсь", – сказал им Ала–ад–дин и вошел и осведомил женщину, и она сказала: "Открой им ворота!"

И Ала–ад–дин открыл дервишам ворота и привел их и посадил и сказал им: "Добро пожаловать!", а затем он принес еду; но они не стали есть и сказали: "О господин, наша пища – поминание Аллаха в сердцах и слушание певиц ушами, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Желаем мы одного: чтоб встретились мы с тобой, есть–то особенность, животным присущая. Мы слышали у тебя нежную музыку, а когда мы вошли, музыка прекратилась. О, если бы увидеть, кто та, что играла музыку: белая или черная невольница или же дочь родовитых?" – "Это моя жена, – ответил Ала–ад–дин и рассказал им обо всем, что с ним случилось, и сказал: – Мой тесть наложил на меня десять тысяч динаров ей в приданое, и мне дали десять дней отсрочки". – "Не печалься, – сказал один из дервишей, и держи в мыслях только хорошее. Я шейх дервишской обители, и мне подчинены сорок дервишей, над которыми я властвую. Я соберу тебе от них десять тысяч динаров, и ты сполна выплатишь приданое, которое причитается с тебя твоему тестю. Но прикажи жене сыграть нам музыку, чтобы мы насладились и почувствовали бодрость, музыка для некоторых людей – пища, для некоторых – лекарство, а для некоторых – опахало".

А эти четыре дервиша были халиф Харун ар–Рашид, везирь Джафар аль–Бармак, Абу–Новас (аль–Хасан ибн Ханн) [277] и Масрур – палач мести; и проходили они мимо Этого дома потому, что халиф почувствовал стеснение в груди и сказал своему везиру: "О везирь, мы хотим

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

выйти и пройтись по городу, так как я чувствую стеснение в груди". И они надели одежду дервишей и вышли в город и проходили мимо этого дома, и, услышав музыку, захотели узнать истину об этом деле.

И гости Ала-ад-дина проводили ночь в радости и согласии, обмениваясь словами, пока не настало утро, и тогда халиф положил сто динаров под молитвенный коврик, я они попрощались с Ала-ад-дином и ушли своею дорогою.

И женщина подняла коврик и увидела под ним сто динаров и сказала своему мужу: "Возьми эти сто динаров, которые я нашла под ковриком, дервиши положили их, прежде чем уйти, и мы не знали об этом".

И Ала-ад-дин взял деньги и пошел на рынок и купил на них мяса, и рису, и топленого масла, и всего, что было нужно.

А на другой день он зажег свечи и сказал своей жене: "Дервиши-то не принесли десяти тысяч динаров, которые они мне обещали. Это просто нищие".

И пока они разговаривали, дервиши вдруг постучали в ворота. И жена Ала-ад-дина сказала: "Выйди, открой им", – и Ала-ад-дин открыл ворота и, когда они вошли, спросил: "Вы принесли десять тысяч динаров, которые вы мне обещали?" – "О, ничего из них не удалось достать, – отвечали дервиши, – но не бойся дурного: если захочет Аллах великий, мы сварим тебе завтра химический состав [278]. Прикажи твоей жене дать нам послушать музыку, от которой ободрились бы наши сердца, так как мы любим музыку".

И Зубейда сыграла им на лютне музыку, от которой Заплясала бы каменная скала, и они провели время в наслаждении, радости и веселье, рассказывая друг другу разные истории; и когда взошло утро и засияло светом и Заблистало, халиф положил под коврик сто динаров, а потом они простились с Ала-ад-дином и ушли своей дорогой.

И они продолжали ходить к нему таким образом в течение девяти вечеров, и каждый вечер халиф клал под коврик сто динаров. А когда подошел десятый вечер, они не пришли, и причиною их отсутствия было то, что халиф послал за одним большим купцом и сказал ему:

"Приготовь мне пятьдесят тюков тканей, которые привозят из Каира..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят восьмая ночь

Когда же настала двести пятьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных сказал тому купцу: "Приготовь мне пятьдесят тюков материй, которые приходят из Каира, и пусть цена каждого тюка будет тысяча динаров. Напиши на каждом тюке, сколько он стоит, и пришли мне абиссинского раба".

И купец доставил все, что халиф приказал ему, и потом халиф дал рабу таз и кувшин из золота, и путевые припасы, и пятьдесят тюков, и написал письмо от имени Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире, отца Ала-аддина, и сказал рабу: "Возьми эти тюки и то, что есть с ними, ступай в такой-то квартал, где дом старшины купцов, и спроси, где господин Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; люди укажут тебе и квартал и его дом".

И раб взял тюки и то, что было с ними, как велел ему халиф, и отправился.

Вот что было с ним. Что же касается двоюродного брата женщины, то он отправился к ее отцу и сказал ему: "Идем сходим к Ала-ад-дину, чтобы развести с ним дочь моего дяди"; и они вышли и пошли с ним и отправились к Ала-ад-дину.

А достигнув его дома, они увидели пятьдесят мулов и на них пятьдесят тюков тканей, и раба, сидевшего на муле, и спросили его: "Чьи это тюки?" – "Моего господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, – ответил раб. – Его отец собрал для него товары и отправил его в город Багдад, и на него напали арабы и взяли его деньги и тюки, и весть об этом дошла до его отца, и он послал меня к нему с другими тюками вместо тех, и прислал ему со мною мула, на которого нагружены пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, стоящим больших денег, и соболью шубу, и золотой таз и кувшин". – "Это мой зять, и я проведу тебя к его дому", – сказал отец девушки.

А Ала-ад-дин сидел в своем доме сильно озабоченный, и вдруг постучали в ворота. "О Зубейда, – сказал Ала-аддин, – Аллах лучше знает! Поистине, твой отец прислал ко мне посланца от кади или от вали". – "Выйди и посмотри, в чем дело", – сказала Зубейда. И Ала-ад-дин спустился и открыл ворота и увидел своего тестя – старшину купцов, отца Зубейды, и абиссинского раба с коричневым лицом, приятного видом, который сидел на муле.

И раб спешился и поцеловал ему руки, и Ала-ад-дин спросил его: "Что ты хочешь?" И раб сказал: "Я раб господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, сына Шамс-ад-дина, старшины купцов в земле египетской, и его отец послал меня к нему с этим поручением", – и он подал ему письмо; и Ала-ад-дин взял его и развернул, и увидел, что в нем написано:

"О посланье, когда увидишь любимых,

Поцелуй ты сапог и пол перед ними.

Дай отсрочку, не будь ты с ними поспешен,

Ведь и дух мой у них в руках и мой отдых, После совершенного приветствия и привет и уважения от Шамс-ад-дина его сыну Абу-ш-Шамату. Знай, о дитя мое, что до меня дошла весть об убиении твоих людей и ограблении твоего имущества и поклажи, и я послал тебе вместо нее эти пятьдесят тюков египетских тканей, и одежду, и соболью шубу, и таз и кувшин из золота. Не бойся же беды! Деньги – выкуп за тебя, о дитя мое, и да не постигнет тебя печаль никогда. Твоей матери и родным живется хорошо, они здоровы и благополучны и приветствуют тебя многими приветами. И дошло до меня, о дитя мое, что тебя сделали заместителем у девушки Зубейды лютнистки и наложили на тебя ей в приданое пятьдесят тысяч динаров. Эти деньги едут к тебе вместе с тюками и твоим рабом Селимом".

Окончив читать письмо, Ала-ад-дин принял тюки и, обратившись к своему тестю, сказал ему: "О мой тесть, возьми пятьдесят тысяч динаров – приданое за твою дочь Зубейду, и возьми также тюки и распоряжайся ими: прибыль будет твоя, а основные деньги верни мне". – "Нет, клянусь Аллахом, я ничего не возьму, а что до приданого твоей жены, то о нем сговорись с ней", – отвечал купец; и Ала-ад-дин поднялся, и они с тестем вошли в дом, после того как туда внесли поклажу.

И Зубейда спросила своего отца: "О батюшка, чьи это тюки?" И он отвечал ей: "Это тюки Ала-ад-дина, твоего мужа, их прислал ему его отец вместо тех тюков, которые забрали арабы, и он прислал ему пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, и соболью шубу, и мула, и таз и кувшин из золота, а что касается приданого, то решать о нем предстоит тебе".

И Ала-ад-дин поднялся и, открыв сундук, дал Зубейде ее приданое; и тогда юноша, ее двоюродный брат, сказал: "О дядюшка, пусть Ала-ад-дин разведется с моей женой"; но ее отец ответил: "Это уже больше никак не удастся, раз власть мужа в его руках".

И юноша ушел огорченный и озабоченный, и слег у себя дома, больной, и было в этом исполнение его судьбы, и он умер.

Что же касается Ала-ад-дина, то, приняв тюки, он пошел на рынок и взял всего, что ему было нужно: кушаний, напитков и топленого масла, и устроил пир, как и всякий вечер, и сказал Зубейде: "Посмотри на этих лгунов дервишей: они обещали нам и нарушили обещание". – "Ты сын старшины купцов, и у тебя были коротки руки для серебряной полушки, так как же быть бедным дервишам?" – сказала Зубейда; и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ала–ад–дин воскликнул: "Аллах великий избавил нас от нужды в них, но я больше не открою им ворот, когда они придут к нам!" – "Почему? – сказала Зубейда. – Ведь благо пришло к нам после их прихода, и всякую ночь они клали нам под коврик сто динаров. Мы обязательно откроем им ворота, когда они придут".

И когда свет дня угас и пришла ночь, зажгли свечи, и Ала–ад–дин сказал: "О Зубейда, начни, сыграй нам музыку". И вдруг постучали в ворота. "Встань посмотри, кто у ворот", – сказала Зубейда; и Ала–ад–дин вышел и открыл ворота и увидел дервишей. "А, добро пожаловать, лжецы, входите!" – воскликнул он; и дервиши вошли с ним, и он посадил их и принес им скатерть с кушаньем, и они стали есть и пить, радоваться и веселиться.

А после этого они сказали ему: "О господин наш, наши сердца заняты тобою: что у тебя произошло с твоим тестем?" – "Аллах возместил нам превыше желания", – ответил Ала–ад–дин; и дервиши сказали: "Клянемся Аллахом, мы за тебя боялись".

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести пятьдесят девятая ночь

Когда же настала двести пятьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что дервиши сказали Ала–ад–дину: "Клянемся Аллахом, мы за тебя боялись, и нас удерживало лишь то, что у нас в руках не было денег". – "Ко мне пришла помощь от моего господа, и мой отец прислал мне пятьдесят тысяч динаров и пятьдесят тюков тканей, ценою каждый в тысячу динаров, и платье, и соболью шубу, и мула, и раба, и таз и кувшин из золота, и между мной и моим тестем наступил мир, и жена моя мне принадлежит по праву, и хвала Аллаху за все это", – ответил Ала–ад–дин.

А затем халиф поднялся, чтобы исполнить нужду, и везирь Джафар наклонился к Ала–ад–дину и сказал ему: "Соблюдай пристойность: ты находишься в присутствия повелителя правоверных". – "Что я сделал непристойного в присутствии повелителя правоверных и кто из вас повелитель правоверных?" – спросил Ала–ад–дин; и Джафар сказал: "Тот, кто разговаривал с тобой и поднялся, чтобы исполнить нужду, – повелитель правоверных, халиф Харун ар–Рашид, а я – везирь Джафар, а это – Масрур, палач мести, а это Абу–Новас аль–Хасан ибн Хани. Обдумай разумом, о Ала–ад–дин, и посмотри: на расстоянии скольких дней пути Каир от Багдада?" – "Сорока пяти дней", – ответил Ала–ад–дин; и Джафар сказал: "Твои тюки отняли у тебя только десять дней назад, так как же весть об этом достигла до твоего отца и он собрал тебе тюки, которые покрыли расстояние сорока пяти дней в эти десять дней?" – "О господин мой, откуда же это пришло ко мне?" – спросил Ала–ад–дин. "От халифа, повелителя правоверных, по причине его крайней любви к тебе", – ответил Джафар.

И пока они разговаривали, халиф вдруг вошел к ним. И Ала–ад–дин поднялся и поцеловал перед ним землю и сказал: "Аллах да сохранит тебя, о повелитель правоверных, и да сделает вечной твою жизнь и да не лишит людей твоих милостей и благодеяний!" – "О Ала–ад–дин, – молвил халиф, пусть Зубейда сыграет нам музыку ради сладости твоего благополучия". И Зубейда играла им на лютне музыку, чудеснейшую среди всего существующего, пока не возликовали каменные стены и не воззвали струны в комнате: "О любимый!"

И они провели ночь до утра в самом радостном состоянии, а когда наступило утро, халиф сказал Ала–ад–дину: "Завтра приходи в диван" [279], и Ала–ад–дин ответил: "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, если захочет Аллах великий и ты будешь в добром здравье!" Ала–ад–дин взял десять блюд и, положив на них великолепный подарок, пошел с ними на другой день в диван; и когда халиф сидел на престоле в диване, вдруг вошел в двери дивана Ала–ад–дин, говоря такие стихи:

"Приветствует пусть удача тебя в день всякий

С почетом, хоть завистник недоволен.

И будут дни твои всегда пусть белы,

А дни врагов твоих да будут черны".

"Добро пожаловать, о Ала–ад–дин", – сказал халиф и Ала–ад–дин ответил: "О повелитель правоверных, пророк – да благословит его Аллах и да приветствует! – принимал подарки, и эти десять блюд с тем, что есть на них, – подарок тебе от меня". И халиф принял от него это и велел дать ему почетную одежду и сделал его старшиной купцов и посадил его в диване, и когда он там сидел, вдруг вошел его тесть, отец Зубейды.

И, увидев, что Ала–ад–дин сидит на его месте и на нем почетная одежда, он сказал повелителю правоверных: "О царь времени, почему этот молодец сидит на моем месте?" – "Я назначил его старшиной купцов, – сказал халиф. – Должности жалуются на срок, а не навеки, и ты отстранен". – "От нас и к нам идет благо! – воскликнул отец Зубейды. – Прекрасно то, что ты сделал, о повелитель правоверных, и да поставит Аллах лучших из нас властителем наших дел. Сколько малых стало великими!" Потом халиф написал Ала–ад–дину грамоту и дал ее вали, и вали отдал грамоту факелоносцу, и тот возгласил в диване: "Нет старшины купцов, кроме Ала–ад–дина Абу–шШамата! Его слова должно слушать и хранить к нему почет, и ему подобает уважение и почтение и высокое место"

А когда диван разошелся, вали пошел с глашатаем перед Ала–ад–дином, и глашатай кричал: "Нет старшины купцов, кроме господина Ала–ад–дина Абу–ш–Шамата" И они ходили с ним кругом по площадям Багдада, и глашатай кричал и говорил: "Нет старшины купцов, кроме господина Ала–ад–дина Абу–ш–Шамата"

А когда наступило утро, Ала–ад–дин открыл для раба лавку и посадил его в ней продавать и покупать, а что касается самого Ала–ад–дина, то он каждый день садился на коня и отправлялся в должность, в диван халифа..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до двухсот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот шестидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала–ад–дин садился верхом и отправлялся в должность, в диван халифа.

И случилось однажды, что он сидел, как всегда, на своем месте, и когда он сидел, вдруг кто–то сказал халифу "О повелитель правоверных, да живет твоя голова после такого то твоего сотрапезника, – он преставился к милости Аллаха великого, а твоя жизнь да будет вечна". – "Где Ала–ад–дин Абу–ш–Шамат?" – спросил халиф, и Ала ад дин предстал перед ним, и халиф, увидев Ала ад–дина, наградил его великолепной одеждой, сделал его своим сотрапезником и предписал выдавать ему содержание в тысячу динаров каждый месяц, и Ала–ад–дин жил у халифа, разделяя его трапезы.

И случилось так, что в один из дней он сидел, как всегда, на своем месте, служа халифу, и вдруг вошел в диван эмир с мечом и щитом и сказал: "О повелитель правоверных, да живет твоя голова после главы шестидесяти [280], – он умер в сегодняшний день". И халиф велел дать Ала–ад–дину почетную одежду и назначил его главой шестидесяти, на место умершего.

А у главы шестидесяти не было ни жены, ни сына, ни дочери, и Ала–ад–дин пошел и наложил руку на его имущество; и халиф сказал Ала–ад–дину: "Похорони его в земле и возьми все, что он оставил из денег, рабов, невольниц и слуг".

А затем халиф взмахнул платком, и диван разошелся, и Ала–ад–дин вышел, и у его стремени был начальник Ахмед–ад–Данаф – начальник правой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками, а слева от Ала–ад–дина был Хасан Шуман, начальник левой стороны у халифа, со своими сорока приспешниками.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Ала-ад-дин обернулся к Хасану Шуману и его людям и сказал: "Будьте ходатаями перед начальником Ахмедом-ад-Данафом, – может быть, он примет меня в сыновья по обегу Аллаху". И начальник принял его и сказал: "Я и мои сорок приспешников будем ходить перед тобою в диван каждый день".

И Ала-ад-дин оставался на службе у халифа в течение нескольких дней, и в какой-то день случилось, что Ала-аддин вышел из дивана и пошел к себе домой, отпустив Ахмеда-ад-Данафа и тех, кто был с ними, идти своей дорогой. И он сел со своей женой Зубейдой-лютнисткой и зажег свечи, и после этого она поднялась, чтобы исполнить нужду, а Ала-ад-дин сидел на месте. И вдруг он услышал великий крик, и поспешно поднялся, чтобы посмотреть, кто это кричал, и увидел, что кричала его жена Зубейда-лютнистка и что она лежит на земле. И Ала-аддин положил руку ей на грудь, и оказалось, что она мертва.

А дом ее отца был перед домом Ала-ад-дина, и отец услышал ее крики и спросил: "В чем дело, господин мой Ала-ад-дин?" – "Да живет твоя голова, о батюшка, после твоей дочери Зубейды, – ответил Ала-ад-дин, – но уважение к мертвому, о батюшка, состоит в том, чтобы зарыть его".

И когда настало утро, Зубейду схоронили в земле, и Ала-ад-дин стал утешать ее отца, а отец утешал Ала-аддина.

Вот что было с Зубейдой-лютнисткой. Что же касается Ала-ад-дина, то он надел одежды печали и удалился из дивана, и глаза его стали плачущими, а сердце печальным.

И халиф спросил: "О везирь, по какой причине Алаад-дин удалился из дивана?" И везирь ответил: "О повелитель правоверных, он горюет по своей жене Зубейде и Занят, принимая соболезнования". – "Нам следует выказать ему соболезнование", – сказал халиф везирию; и везирь ответил: "Слушаю и повинуюсь!" И халиф с везирем и несколькими слугами вышли и сели верхом и отправились к дому Ала-ад-дина.

И Ала-ад-дин сидел и вдруг видит – халиф и везирь и те, кто был с ними, приближаются к нему. И он встал им навстречу и поцеловал землю перед халифом, и халиф сказал ему: "Да возместит тебе Аллах благом!" А Ала-аддин отвечал: "Да продлит Аллах для нас твою жизнь, о повелитель правоверных". – "О Ала-ад-дин, – спросил халиф, – почему ты удалился из дивана?" – "Из-за печали по моей жене Зубейде, о повелитель правоверных", ответил Ала-ад-дин; и халиф сказал: "Прогони от души заботу. Твоя жена умерла по милости великого Аллаха, и печаль тебе ничем не поможет". – "О повелитель правоверных, я оставляю печаль по ней только тогда, когда умру и меня зароят возле нее", – сказал Ала-аддин; и халиф молвил: "Поистине, в Аллахе замена всему минувшему, и не освободят от смерти ни ухищрения, ни деньги! От Аллаха дар того, кто сказал:

Ведь всех, кто женой рожден, хоть длительно счастье их,

Когда-нибудь понесут на ложе горбатым,

И как веселиться тем и жить в наслаждении,

Кому на ланиты прах и землю насыплют?"

И халиф, кончив утешать Ала-ад-дина, наказал ему не удаляться из дивана и отправился в свое жилище, а Алаад-дин проспал ночь, а когда наступило утро, сел на коня и поехал в диван. И он вошел к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф пошевелился ради Ала-ад-дина на престоле и сказал ему: "Добро пожаловать! – и приветствовал его и посадил его на место и молвил: – О Алаад-дин, ты мой гость сегодня вечером".

И потом он пошел с ним к себе во дворец и, призвав одну невольницу по имени Кут-аль-Кулуб, сказал ей: "У Ала-ад-дина была жена по имени Зубейда, которая развлекала его в горе и заботе. Она умерла по милости великого Аллаха, и я хочу, чтобы ты сыграла ему музыку на лютне..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.